

2011/2 (4)

Содержание

Теоретическая культурология

Межуев В.М.

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 3)

Глостанова М.В.

Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур

Историческая культурология

Шулепова Э.А.

Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция

Флиер А.Я.

Историческая культурология как область знания

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 2)

Прикладная культурология

Астафьева О.Н.

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8)

Соколов А.В.

Три лика информационного общества

УДК 008(091)

*Флиер А.Я.*Историческая культурология
как область знания

Аннотация. Рассмотрены основные признаки, позволяющие выделять историческую культурологию в качестве самостоятельного направления культурологической науки по ее предмету и проблемному полю, чертам, в наибольшей мере характеризующим ее специфику. Анализ ведется в режиме сравнения с историей культуры как направлением исторической науки, благодаря чему удается выделить наиболее характерные черты, отличающие именно историческую культурологию в ряду других наук о культуре.

Ключевые слова: культура, история, история культуры, историческая культурология, художественная культура, шедевры, повседневность, социальные функции, тенденции социокультурного развития

Историческая культурология – это наука, изучающая историю цивилизации и культуры, однако с позиций не исторической, а культурологической методологии познания. Суть этого различия заключается в том, что прошлое изучается как совокупность событий и фактов *не исключительных* (и именно поэтому попавших в исторические хроники, на которых строится вся историческая наука), а происшествий, ситуаций и форм по определению *тривиальных, нормальных, обыденных*. То есть феноменов *культурных* (в социальном и этнографическом смысле), а не *шедевральных* (в искусствоведческом смысле, хотя последнее вовсе не предполагает непременно высокого художественного качества рассматриваемого материала). Я не случайно подчеркнуто противопоставляю понятия *культурного* и *творческого*, прекрасно понимая, что творческое – это одно из наиболее специфических проявлений культурного, представляющее собой вариативную рефлексию нормативного социокультурного образца в психике индивида (автора) и реализацию подобной интерпретации в конкретно-исторических условиях осуществления его социальной практики. Тем не менее, я полагаю, что цели, поставленные в данной статье, требуют условного разделения нормативного и творческого начал культуры, смешение которых, как правило, уводит нас от сколько-

Гуманитарные исследования

Аванесова Г.А.
Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Ильишев П.В.
Особенности изобразительного моделирования кинематографического пространства в фильмах Акиры Куросавы

Штейнер Е.С.
«Гений дзюдо» – Куросава начинается

Малая культурологическая энциклопедия

Власенко В.В.
Философско-педагогические идеи М.С. Кагана

Шестаков В.П.
Изобразительное искусство

Юбилейные даты

К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой

Плоских В.М.
В поисках древних путей ариев

Поляков Т.П.
Белый пароход

К 65-летию Кирилла Эмильевича Разлогова

Хренов Н.А.
Кирилл Разлогов – человек глобальной культуры

Рецензии

Кузнецова Т.Ф.
Культурологический поиск: от фундаментального к прикладному: рецензия на книгу: «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (М.: Смысл, 2010. 640 с.)

нибудь системного понимания того, о чем мы говорим.

Все эти проблемы изучаются многими социальными и гуманитарными науками, а вопросами наиболее общего, универсального характера – формированием, существованием и изменчивостью культуры как целостного явления – занимается специальная отрасль знания – *культурология*. В отличие от *социологии*, изучающей наиболее общие структурные формы коллективного существования людей, *психологии*, изучающей мотивацию их поведения, а также *этнологии*, изучающей преимущественно *локальные особенности* культурного бытия людей, культурология исследует, прежде всего, относительно универсальное *ценностно-смысловое содержание* социальной жизни человека, *тексты*, в которых это содержание манифестируется, и соответственно *языки* (как вербальные, так и особенно невербальные), на которых это содержание передается от индивида к индивиду, от поколения к поколению. Культурология в целом является интегративной междисциплинарной областью знания (по некоторым определениям – интеллектуальной тенденцией познания культуры не только как предметной области, но и в значительной мере как *проблемного поля* смыслов и форм коллективного человеческого существования).

Поскольку все явления, изучаемые культурологией, имеют какое-то *историческое происхождение*, а культурные процессы подвержены *историческим изменениям*, в недрах культурологической науки складывается особое направление исследований, которое концентрируется именно на проблемах *исторической динамики* культуры, происхождения культурных феноменов, изменчивости фундаментальных принципов и технологий организации и осуществления социальной жизнедеятельности сообществ. Это направление в последние десятилетия получило название *исторической культурологии*. Она занимает «стыковое пространство» между философией истории и культуры (как направлениями философского знания), теорией культуры (культурологической наукой как таковой), классической историей культуры (как исторической наукой), отраслевыми историями различных специализированных сфер человеческой деятельности (как правило, разделами соответствующих профильных наук), а также социологией и этнографией.

Культурология подходит к истории не как к *процессу достижения* какой-то заведомо predetermined цели (т.е. не телеологически), а как к *техническому результату* практической жизнедеятельности людей (это можно назвать прагматическим или позитивистским подходом). С точки зрения культурологии история – это динамика порождения, функционирования и изменения различных *содержаний* и *форм* совместной жизни людей (прежде всего, локальных человеческих сообществ – народов) и взаимоотношений, возникающих между ними по этому поводу. Человечество, общество, личность – это *субъекты*

истории и культуры, порождающие и изменяющие содержание и формы своей жизни. Технологии и результаты (способы и продукты) подобной социально значимой деятельности – это *объекты* культурологического исследования. Что же касается специфических содержаний и смыслов, воплощенных в этих результатах (продуктах) деятельности, которые складываются в реальном историческом пространстве и времени и отражают неповторимый социальный опыт существования того или иного сообщества, – это и есть *предмет* культурологического познания, называемый словом «культура». Культурология исследует содержания и смыслы коллективного человеческого существования на основании анализа результатов (материальных, символических, информационных и др.) этого существования.

Человеку, изучающему историю культуры и цивилизации, очень важно видеть принципиальное различие между объединениями людей, существовавшими и поныне существующими как *социальные реалии* (кровнородственные, этнические, лингвистические, политические, конфессиональные, сословные, социально-функциональные, социально-статусные и иные группы) и объединениями, фигурирующими в научной литературе как *культурно-исторические типы*. Под последними имеются в виду не реальные социальные сообщества людей, а совокупности черт определенного культурного сходства у тех или иных народов, которые выделяются учеными по различным основаниям (единство уровня социокультурного развития, общность религии, единообразие традиций и форм в деятельности институтов социальной регуляции, близость художественно-стилевых черт культуры и т.д.) ради удобства описания и классификации изучаемых феноменов. К подобным образцам искусственно формируемой культурно-исторической типологии относятся, например, цивилизации, хозяйственно-культурные и историко-этнографические общности, культурные и художественные стили, исторические эпохи, стадии и периоды и т.п. При этом следует помнить, что такого рода типология является лишь техническим инструментарием науки. Для того, чтобы изучать что-либо, нужно это «что-либо» по каким-то признакам выделить из фонового окружения, дать ему название, описать и даже несколько абсолютизировать его отличительные, атрибутивные черты. Именно таким образом появились понятия «первобытность» и «Средневековье», «мезолит» и «неолит», «Античность» и «Возрождение», «буддийская цивилизация» и «мусульманская цивилизация», «готика» и «барокко», «индустриальная эпоха» и «постиндустриальная эпоха» и т.д. Никаких целостных социальных объединений людей, имевших подобные названия, в истории никогда не было. Вся эта классификация – продукт науки последних веков. Поэтому культурологу так важно уметь отделять исторические социальные реалии от модельных построений, созданных исследователями в процессе изучения этих реалий.

Далее. Культура в абсолютно «замороженном» состоянии (гомеостазе со средой) может существовать только в ситуации

исключительно сложных природных условий (так называемые «экологические культуры» архаических сообществ, весь энергозапас которых уходит на поддержание подобного гомеостаза). В исторически более динамичных условиях и обстоятельствах «социальные конвенции» совместного бытия создаются сообществами не «навсегда». Каждое новое поколение должно с большей или меньшей радикальностью переосмысливать, обновлять, развивать или, по крайней мере, творчески реинтерпретировать их (с позиций нового социального опыта, в зависимости от степени модернизированности или традиционности данного сообщества и т.п.), а также вырабатывать новые эталонные образцы – «культурные тексты» (в религии, философии, искусстве, общественном сознании) и реализовывать их в уже новых исторических условиях существования, переводить их на новые, более актуальные языки и коды культуры, транслировать следующим поколениям в постоянно обновляемом виде, и производить все эти трансформации, сохраняя в основном более или менее выраженную лояльность к историческому опыту и традициям своих предков.

Можно предположить, что это взаимоисключающие установки. Но, как свидетельствует история, иным образом устойчивая коллективная жизнь у людей не получается. Опыт исследований показывает, что высокая динамика социального развития существенно повышает историческую устойчивость обществ, хотя за это приходится платить понижением уровня их локальной культурной специфичности. И наоборот, углубление уровня культурой специфичности (т.е. традиционности) ведет к замедлению темпа социального развития и понижению исторической устойчивости. Это в какой-то мере соответствует и одному из основных законов природы: более специфичный (отличный от среды) биологический феномен менее устойчив, нежели менее специфичный, адаптированный к среде, закамуфлированный.

Это вечное противоречие между авторитетом истории, опытом «отцов» и новыми, актуальными необходимостями «детей», разрешаемое в очень трудных творческих исканиях человеческого разума, в логически почти необъяснимых своими неожиданными поворотами и импровизациями эмоциях и интуициях человеческого таланта, в явных адаптивных решениях и скрытых имманентных коллизиях соперничества и компромиссов между ценностными установками различных социокультурных групп и т.п., эта борьба за сохранение традиции и неуклонное ее преодоление представляют собой основной алгоритм исторического существования общества. Это и есть культура, или, по крайней мере, то, что понимает под этим словом культурологическая наука.

Человек, осваивая мир, так или иначе, систематизирует и упорядочивает свои знания и представления о нем. Но он не может ограничиться только объективно-прагматическим мироощущением. Совершенно очевидно, что для человеческой

психики этот однополушарный (с точки зрения задействованности возможностей мозга) подход оказывается недостаточным, не создающим того психологически комфортного состояния, которое приходит к человеку при снятии тревожащей его неопределенности. То есть, по всей видимости, объективное знание фактов и даже их систематическое обобщение и объяснение (включая и известный психологический акт защитной рационализации) не снимает в полной мере это тревожащее чувство недостаточно полного и объемного ощущения окружающего мира и собственного места человеческой индивидуальности в нем. Человеку требуется еще и эмоциональное подтверждение того, что необходимая упорядоченность его миропредставлений достигнута, и она оправдывает значимость существования данного индивида в среде ему подобных. Объяснение этой потребности – задача психологов. Для культурологов же парадокс заключается в том, что совершенно иррациональные художественные или религиозные образы, эмоциональные «картины мира» и т.п. порой выполняют функцию подавления психологической тревожности по поводу неопределенности и непредсказуемости бытия более эффективно, чем объективизированные научные объяснения.

При этом одним из наиболее систематизированных механизмов подобной психологической компенсации является именно гуманитарное историческое знание. Я даже рискну назвать гуманитаристику (по ее социально-психологической роли) «секулярной религией» Нового времени, выполняющей ту же функцию, которую в свое время (и, разумеется, в своих специфических формах) выполняли мифология и религия, а именно – создание эмоционально комфортного мироощущения и восприятия бытия человеком как вокруг себя, так и в глубине собственного сознания и подсознания, в понимании собственной социальной значимости и востребованности, в ощущении себя любимым и нужным кому-то и т.п. Показательно, что даже хронологически гуманитарное знание как целостный тип мироощущения сформировалось именно на волне секуляризации эпохи Просвещения и развивалось как своеобразный компенсатор отступающих на периферию социального бытия религии и мифологии. Так или иначе, но вне работы механизмов гуманитарного мироощущения трудно представить себе устойчивое психологическое существование человека в системе общества и культуры как в прошлом, так и в настоящем.

Надеюсь, что никому уже не нужно доказывать, что культура – это такой же инструмент насилия над личностью, как и политическая власть, и гильотина не менее культурообусловлена, чем симфония Бетховена. Сегодня мы уже знаем, что художественная культура не только решает высокие эстетические задачи, но и является одним из наиболее эффективных способов манипулирования сознанием и эмоциональным состоянием человека, механизмом поддержания существующего социального порядка, однако не

средствами грубого насилия и принуждения, а методами психологического давления на личность. Показательно, что искусство всегда рассматривалось властями как важнейший инструмент политической идеологии.

Здесь мы выходим на проблему, может быть, самую актуальную для науки XXI века: является ли наше аргументированное, объективизированное, позитивное знание именно *знанием* или преимущественно слепой *верой* в утверждения тех или иных научных корифеев, авторитет которых сложился исторически? Вспомним, как еще два десятилетия назад нас воспитывали на том, что марксистско-ленинская философия отражает непреложную истину, а все остальное – сплошной вымысел. Отсюда возникает вопрос о точно такой же нарративности социально-научных текстов, отражающих очевидно ангажированную точку зрения того или иного автора, в чем традиционно упрекают исторические и иные гуманитарные тексты. Одновременно, трудно не признать, что по своей непосредственной социальной актуальности многие религиозные, художественные и историко-описательные тексты часто оказываются гораздо значимее научных исследований.

Однако главное заключается в другом. Культура имеет ряд имманентных характеристик, признаваемых большинством исследователей: она – искусственное порождение интеллекта и труда человека, она не наследуется генетически, а передается только методом обучения. И она *обязательно аксиологична* в своем мироощущении. Система взглядов, которая не упорядочивает окружающий мир в целом, не может быть названа наукой, но та же система взглядов, которая не иерархизирует этот мир по его ценностным признакам (параметрам значимости для человека), не может быть названа культурой. Мне представляется, что уйти вообще от какой-либо аксиологичности и нарративности в науке можно лишь на самых высших уровнях абстракции, например, в математике. И действительно, тот факт, что дважды два равняется четырем, не имеет никакого культурно-ценностного аспекта. Но тот ученый, который исследует и систематизирует аспекты поведения и сознания человека, а также результаты его целеориентированной деятельности, не может быть назван исследователем культуры, если он принципиально абстрагируется от аксиологических координат этого упорядочивания.

Другое дело, что всякая шкала ценностей исторична и порождена условиями жизни того или иного сообщества. Каннибализм островитян Океании ничуть не более отвратителен, чем кровавые разборки в уголовной среде постиндустриального мира, а крайности религиозного фундаментализма по своим социальным результатам мало чем отличаются от классического большевизма.

Точно так же не стоит сопоставлять рациональное знание с иррациональным по критериям морали. Вспомним, что Сальери отравил Моцарта (по Пушкину) как рационалист в искусстве («разъявший... гармонию как труп»), психологически не

выдержавший рациональной необъяснимости моцартовского гения. В XV–XVII вв. в Западной Европе тысячи женщин были уничтожены инквизицией, которая оказалась не в состоянии рационально постичь причины их сексуальной привлекательности. Примеры бессилия рационального знания, выливавшиеся в расправу над иррациональным, можно продолжать до бесконечности, равно, как и хорошо известные примеры аналогичной расправы над рациональным знанием со стороны сторонников иррационализма (Дж. Бруно, Дж. Виклиф и др.). Интересно, что Иисус Христос был обречен по обоим основаниям одновременно: для иудейского Синедриона он был нетерпимым рационалистом в религиозных вопросах, отрицавшим мистическую значимость многих установлений классического иудаизма, а для прагматичной римской администрации – опасным иррационалистом-харизматиком.

Изучение истории культуры существует столько же, сколько и сама историческая наука. Вопрос лишь в том, что в разных обществах понимается под культурой. В силу множества причин социального, религиозного и другого характера слово «культура» на Западе (и на Дальнем Востоке) означает в массовом сознании, прежде всего, этикет, нравы, обычаи, нормы социального поведения и т.д. Здесь «культурный человек» – это, в первую очередь, хорошо воспитанный человек. В России же понятие «культура» фактически тождественно так называемой «духовности», т.е. синтезу нравственного, религиозного и художественного аспектов жизни общества. В нашей лингвистической традиции «культурный человек» – это личность, отличающаяся неординарной гуманитарной эрудицией и эталонной нравственностью. Соответственно этим различиям на Западе культуру изучают в основном науки социально-этнографического профиля; в России – преимущественно история, филология и искусствоведение.

Впрочем, несмотря на отмеченные различия, культуру везде и всегда изучала историческая наука, и в этом вопросе в большинстве стран сложились сравнительно универсальные традиции. В частности, еще в середине XIX в. общепризнанной стала позиция немецкого историка Л. фон Ранке. Он утверждал, что предметом исторического описания должны быть, прежде всего, выдающиеся события, выдающиеся личности, выдающиеся произведения искусства и т.п. Поскольку эта познавательная установка сохраняет актуальность и поныне (особенно среди историков культуры старшего поколения), условно назовем ее «классической».

Почти одновременно с зарождением и распространением ранкианства по мере развития антропологии сложилась и противоположная познавательная парадигма, в соответствии с которой предметом изучения истории должны быть массово распространенные черты повседневной жизни и культуры общества. Эту позицию отстаивало направление позитивизма (О.Конт, Г.Спенсер). Со временем позитивизм в истории раскололся на множество самостоятельных школ (историческая

социология – М.Вебер, исторический материализм – Ф.Энгельс, социальная антропология – Б.Малиновский, неозволюционизм – Л.Уайт, структурный функционализм – Т.Парсонс, теория модернизации – Э.Толфлер, новый материализм – Ф.Бродель и И. Валлерстайн и др.). В 30-е гг. XX в. зародилась, а к середине столетия стала наиболее авторитетной в науке так называемая «новая история» (la nouvelle histoire), более известная как французская историческая школа «Анналов» или «история ментальностей». Школа «Анналов» и ее зарубежные апологеты по существу лишь углубили и заострили интерес общества к повседневной жизни не коронованных особ, а простого «маленького человека», рядового горожанина эпохи Средневековья или Нового времени, аргументировали эпохальную репрезентативность его нравов, обычаев, ментальностей и т.п., а главное – противопоставили прежней «истории-описанию» новую «историю-проблему».

В 60–70-е гг. XX в. от «новой истории» (которую с большим основанием стоило бы назвать «новой социальной историей») начало отпочковываться исследовательское течение, назвавшее себя «новой культурной историей» (Ж. Ле Гофф, Ж.Ревель, Ф.Граус, П.Динцельбахер, а также большинство российских исследователей культуры повседневности – Г.С. Кнабе, А.Я.Гуревич, А.П.Ястребицкая, К.Касьянова и др.). Представители этого течения в своем анализе закономерностей исторического развития перешли к более гуманитарным интерпретациям материала, ориентируясь в целом на методологию «Анналов». Близкие позиции заняла и московско-тартуская семиотическая школа (Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский). Значительное влияние на это течение и его познавательные установки оказал крупнейший французский философ-постмодернист М.Фуко. Он и сам был автором целого ряда исследований подобной направленности («Слова и вещи», «Археология знания», «История сексуальности», «История тюрьмы», «История безумия», «Воля к истине» и др.), в которых рассматривал неявные (тем или иным образом закодированные) социальные смыслы, которые можно дешифровать, анализируя историческую фактуру как текст.

Как представляется, в процессах синтеза этой «новой культурной истории» с некоторыми направлениями исторической социологии и психологии и начала формироваться дисциплина, которая получила распространение в России и за рубежом под именем историческая культурология (в России) или историческая антропология (на Западе).

Изучение истории культуры может преследовать различные цели. Как писал замечательный методолог исторической науки и один из основателей школы «Анналов» Марк Блок, историк задает прошлому разные вопросы, и от того, как им сформулирован тот или иной вопрос, во многом зависят и параметры получаемого в его исследовании ответа. Чаще всего историк культуры «классического» направления задает вопрос: «А что там у вас в Прошлом было примечательного?». И ищет, разумеется,

соответствующий ответ: нетипичные, уникальные, шедевральные и прочие примечательные по своей исключительности факты. Собственно и сами текстовые исторические источники (летописи, хроники, документы, мемуары, эпистолярии и пр.) содержат описания, прежде всего, наиболее привлекающих внимание своей исключительностью событий и явлений. Скажем, какой хронист станет описывать то, что его государь повседневно ест на обед? А вот нечто невероятное, что подавали на стол во время царской свадьбы, он, скорее всего, отметит в своей летописи. По причине такого рода особенностей исторических свидетельств, дошедших до нас из прошлого, и в силу определенных традиций, сложившихся в исторической науке, классические историки, как правило, изучают *уникальные факты культуры*, выделяющиеся именно своей нетипичностью.

Это тем более очевидно, что существенную часть исследуемых объектов классической истории культуры представляют собой произведения, т.е. более или менее выраженные в своем индивидуальном и, как правило, авторском своеобразии вербальные и невербальные тексты – философские, мифологические, религиозные, изобразительные, пластические, литературные, публицистические, эпистолярные, мемуарные, произведения искусства, ремесла, строительства и т.п. Разумеется, традиционное описание истории культуры не сводится к одному лишь шедевроведению, но скажем честно, именно шедевры художественного и интеллектуального творчества представляют собой предмет интереса большинства классических историков культуры, заполняют страницы литературы историко-культуроведческого профиля, составляют основу исторической фактологии учебных курсов по культурологии. Отсюда и складывается впечатление, что культура – это набор уникальных произведений искусства, философской и религиозной мысли и т.п.

Но давайте оглянемся вокруг: разве окружающая нас культура, та культура, которой каждый из нас обладает и в меру возможностей пользуется, состоит из сплошных шедевров художественного и интеллектуального творчества? Напротив, содержание и формы нашей культуры выражены, прежде всего, в обычных, типичных, вошедших в стереотипы сознания и поведения элементов *образа жизни и миропредставлений*: повседневной морали и нравственности, бытового этикета и личной гигиены, норм употребления родного языка и знания других языков, правил социально адекватного поведения и деятельности, моды, традиций кулинарии, гостеприимства, заботы о своем имидже, проблем своей национальной, социальной и политической идентификации и иных интересов, потребностей, притязаний, ориентированных так или иначе на господствующие в обществе образцы *социальной адекватности и социальной престижности*. Конечно, каждый культурный артефакт, в силу своей интерпретативной природы, в известной мере является уникальным. Но далеко не любая интерпретация становится неизменным шедевром.

К сожалению, классическая история культуры очень редко «опускается взглядом» до той культуры, которая и является подлинным содержанием эпохи и жизни основной массы людей. Исследованием такого рода «культуры обыденности», культуры общепринятых «правил игры» – системы ценностей и норм, обычаев и массовых миропредставлений, регулирующих коллективную жизнь и деятельность людей и обеспечивающих социальную устойчивость и воспроизводимость сообществ, а также моделированием исторической социокультурной типологии и динамики этих обществ, их сравнительным анализом с точки зрения этой типологии, изучением происхождения той или иной «социальной конвенции» и механизмов ее функционирования, изменчивости, включенности в систему социальной регуляции и занимается *историческая культурология (антропология)*. В отличие от классической истории культуры, решающей, прежде всего, проблемы атрибуции, описания и выстраивания хронологического ряда исследуемых явлений, историческая культурология решает задачи системно-структурного обобщения изучаемого материала, его функционального анализа, типологизации его не столько по атрибутивным, сколько по функциональным параметрам, объяснения его происхождения и сущности не по формально-стилевым признакам, а по тем проблемам социального бытия людей, которые при этом решаются.

Таким образом, в отличие от классического историка культуры, ищущего в прошлом его примечательные черты, историк-культуролог «спрашивает» у прошлого: «Какие «правила игры» («социальные конвенции») определяли характер жизнедеятельности данного общества в исследуемую эпоху, и как они воплощались в формах его социальной организации, его ценностях и методах их регуляции, технологиях деятельности и коммуникации, механизмах социального воспроизводства?».

В плане выделения объекта исследования историк-культуролог стоит ближе к этнографу и археологу, которые больше ориентированы на воссоздание типических черт культурной конфигурации исследуемой эпохи (археолог – на реконструкцию комплекса материальной культуры, этнограф – на системное описание образа жизни, обычаев и обыденных форм сознания в их национальной специфике). Культуролог, в конечном счете, делает то же самое, но на материале *всей* (не ограниченной какими-либо отраслевыми задачами) социальной реальности жизни изучаемого общества и на более высоком уровне научного обобщения. При этом, во-первых, исследуемая культура анализируется в контексте всей истории всего человечества (что требует от культуролога гораздо более широкой профессиональной эрудиции в отличие от сравнительно узко специализированного историка классического типа). И, во-вторых, культуролога интересуют не столько специфичные, свойственные лишь данному сообществу черты его культуры, сколько функционально и семантически универсальные ее параметры,

свидетельствующие о «нормальности» данного культурного явления в контексте всей человеческой культуры.

Другой характерной особенностью является обращенность классической истории культуры не столько к реалиям социального бытия изучаемых сообществ, сколько к *интеллектуальным и образным рефлексиям* эпохи, т.е. опять-таки к текстам, отражающим взгляды и различные аспекты мировоззрения авторитетов описываемой эпохи. Классическая история культуры, по существу, представляет собой выборочную *историю миропредставлений* элитарных слоев в разные эпохи, явленную историку как в вербальных текстах, так и в определенных символических чертах различных материальных продуктов деятельности, в произведениях искусства и т.п. Причем показательно, что речь идет не о типичной массовой картине мира населения, а о выражено индивидуальных, авторских интерпретациях этих картин мира в тех или иных произведениях. Хрестоматийный пример: традиционное мнение о творчестве А.С.Пушкина как «энциклопедии» русской жизни 20–30-х гг. XIX в. Но кем доказано, что личные взгляды и интерпретации великого поэта отражали массово распространенные даже в аристократической среде позиции? Скорее наоборот, гениальность Пушкина не могла не выразиться в уникальности, совершенной нетипичности его взглядов и оценок по сравнению с тривиальными представлениями большинства его современников.

Тем не менее, показательно, что даже типологизация истории культуры традиционно строится, прежде всего, на художественно-стилевых и прочих образно-символических признаках (например, эпоха готики, европейская культура Возрождения, русская культура Серебряного века). Совершенно очевидно, что сами корифеи художественной культуры готики, Ренессанса, барокко и других направлений даже не подозревали, что они живут и творят в соответствующие «классические эпохи» (перечисленные названия – это уже плод измышлений немецких искусствоведов-романтиков XIX в.). Тем более, мало кто задумывается над тем, что художественные шедевры, которые сегодня выражают для нас определенные историко-стилевые признаки эпохи, реально не имели значимого распространения в культуре своего времени, а были лишь уникальными исключениями из этой обыденной культуры.

Показательный пример: одна из наиболее характерных фигур европейского Средневековья, охваченная мистическими видениями харизматическая героиня Жанна д'Арк была лишь на два поколения старше Леонардо да Винчи и Боттичелли (старше на 35–40 лет, годилась им в бабушки). И если бы Жанна не погибла молодой, то, будучи пожилой дамой, она могла бы успеть полюбоваться картиной «Рождение Венеры» Боттичелли. Можно ли представить себе Жанну д'Арк, облаченную в средневековые доспехи и озаренную мистическим ясновидением героиню, рассматривающую Венеру, обладающую почти современным имиджем, женщинами одной и той же эпохи? Вместе с тем

персонажем, совершенно типичным по своей психологии и культуре для европейского XV в. была именно Жанна, а отнюдь не образы с полотен корифеев Ренессанса.

Жизнь исторических сообществ, как известно, состоит не только из символических рефлексий, но более всего – из социальных реалий: труда, быта, межличностных отношений, войн, торговли, воспитания и обучения детей, постоянно возникающих противоречий между интересами и потребностями разных социальных страт и поиском способов их разрешения, а также иных форм практической жизнедеятельности и выработки общепринятых в данном сообществе правил игры, в соответствии с которыми все это делается. Разумеется, необходимы и интеллектуальные рефлексии этих правил, ведущие к их развитию, более эффективному исполнению, помогающие обучать новые поколения социальному опыту предыдущих поколений и т.п. Но в основе социального бытия людей лежит все-таки реальная жизненная практика (первый этаж), она порождает социальный опыт организации и регуляции этого бытия (второй этаж), и лишь затем происходит интеллектуальная рефлексия и интерпретация этого опыта (третий этаж). Если социальная история изучает преимущественно первый из этих этажей, а классическая история культуры – сразу третий, то историческая культурология концентрирует свое внимание главным образом на втором «этаже» – истории накопления социального опыта коллективной жизнедеятельности людей и аккумуляции его в системах «социальных конвенций» этой жизнедеятельности.

Будучи не только специализированной наукой, но и современной интеллектуальной тенденцией общемировоззренческого осмысления общественных процессов, механизмов культурной локализации отдельных сообществ и исторического воспроизводства их культурной специфики, теории формирования и функционирования культурной традиции, культурной персонификации человеческой личности и реализации ее творческого потенциала и т.п., культурология не отказывается от своей генетической близости со многими иными науками. Тем не менее, она смогла выделиться в совершенно оригинальную научную специальность, совершенно не дублирующую цели и задачи смежных наук, не пытающуюся подчинить их себе или объединить в качестве некоей надстроечной сверхнауки. Так или иначе, культуру в разных ее аспектах изучают все существующие социальные и гуманитарные науки. Но теории и истории культуры свойственен особый, никем не повторяемый ракурс исследования и осмысления особенностей культурного бытия человечества, поиск закономерностей, регулирующих процессы накопления и трансляции социального опыта коллективной жизни людей, его воплощения в системе ценностно-нормативных установок социальных отношений, способах познания и рефлексии мира, в образах художественного мироощущения и пр. Они доходят до нас из глубин истории в виде национальных и социальных традиций, обычаев и нравов, культурных норм, гуманистических

учений, материальных памятников культурного наследия и т.п.

Одновременно с познавательным, историческая культурология имеет и серьезный актуально-практический потенциал, связанный с социально-историческим воспроизводством нашего общества как культурной целостности, повторением его параметров и сохранением памяти о них в следующих поколениях и основных памятников культурного наследия, на основе которых и происходит инкультурация новых поколений.

Бесценную роль играет культурология в современной образовательной практике, оставаясь (наряду с историей и филологией) основой идеи общей гуманитаризации содержания среднего и высшего образования, целенаправленной и регулируемой социализации и повышения уровня национально-культурной компетентности подрастающего поколения. На сегодняшний день единственной системно организованной дисциплиной комплексной социализации и инкультурации молодежи в системе образования осталась только культурология (теория и история культуры).

Историческая культурология является одним из наиболее перспективных направлений современной науки, преследующим цели комплексного изучения человека и общества путем анализа исторических процессов и результатов *формирования, функционирования и трансляции культуры* как основного содержания совместной жизни и деятельности людей, создателей и трансляторов тех или иных компонентов этого опыта.

В силу комплексного характера исследовательских задач, историческая культурология неизбежно является межпредметной областью знаний, успешно синтезируя в себе западную социальную и культурную антропологию с отечественной традицией историко-филологического изучения культуры как особой модальности человеческого бытия. В своем развитии теория и история культуры тесно и успешно взаимодействует с философией, историей, филологией, социологией, этнологией, психологией и другими науками, изучающими феномен человека и его социально обусловленное сознание и поведение.

Области научных исследований исторической культурологии весьма широки, и здесь могут быть перечислены лишь наиболее существенные сферы познавательного интереса названной науки. В их числе:

- познание фундаментальных теоретических закономерностей социальной консолидации и нормативной регуляции коллективного существования людей под воздействием особых интегрирующих социально-ценностных механизмов, обобщенно называемых культурой;

- исследование процессов выработки и накопления социального опыта коллективного сосуществования людей, реализации этого опыта в практике социальной и индивидуальной деятельности человека, в формах построения искусственной среды его

обитания, рефлексии в культурных текстах и социальных конвенциях, демонстрации в эталонных образцах искусства и т.п.;

- исследование исторических и социальных закономерностей порождения, функционирования и изменчивости комплекса культурных черт всякого общества, закономерностей локализации человечества на отдельные культуры, общей культурной эволюции, исторического прогресса и т.п.;

- изучение процессов познания мира на основе методов, выработанных в рамках накопленного социального опыта, и принципов рефлексии и систематизации этого знания в разных обществах в рамках их традиций мироощущения;

- анализ процессов самовыделения человека из окружающего его мира, самоидентификации в социальном окружении, освоения им языка и культурных норм своего сообщества, а также становления его индивидуального самоощущения как относительно свободного субъекта культуротворчества;

- изучение средств и методов социокультурной коммуникации и обмена между людьми социально значимой информацией, полученной в результате описанных выше процессов культурного становления исторических сообществ, языков и кодов ее символизации, фиксации, способов трансляции и пр.;

- анализ процессов исторической и современной социокультурной практики человека, создания им материальных, интеллектуальных и художественных объектов, социальных объединений, норм и стандартов социального общежития, языков общения, нравов и обычаев и т.п.;

- исследование процессов социального воспроизводства сообществ как самобытных культурных образований посредством трансляции социального опыта новым поколениям, их социализации и инкультурации, порождения и функционирования культурных традиций, работы культурных институтов и т.п.;

- изучение механизмов практического использования фундаментальных знаний о закономерностях культурных процессов в интересах целенаправленного политического регулирования этих процессов в наши дни, охраны и сохранения наиболее ценного культурного наследия, воспитания специалистов-культурологов, профессионально занимающихся решением этих вопросов, а также педагогической деятельностью в области инкультурации молодого поколения, и пр.

Таким образом, я позволю себе заключить, что историческая культурология (как часть культурологической науки) принципиально отличается от истории культуры (как части исторической науки). Главные задачи последней – описание конкретных исторических фактов культуры (объектов, событий), их атрибуция и определение места в ряду им подобных. Конечно, это не исчерпывает всех задач и возможностей истории культуры, но это основные задачи; без них исследование не может быть признано историко-культурным. В противоположность тому

историко-культурологическое исследование может вообще обходиться без описания и атрибуции каких-либо артефактов. Оно исследует тенденции исторической изменчивости культуры. Культуру как тенденцию, а не культуру как событие. Это не противоречит высказанному в начале статьи тезису о том, что историческая культурология изучает преимущественно результаты истории культуры. Она реконструирует интересующие ее тенденции на основании изучения их результатов. Конкретно-историческая фактура изучается не ради приращения знаний об этой фактуре как таковой, а ради более глубокого понимания закономерностей исторического развития культуры. И в этом, как представляется, заключается принципиальная познавательная задача исторической культурологии.

© Флиер А.Я., 2011

Статья поступила в редакцию 15 марта 2011 г.

Флиер Андрей Яковлевич,

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, культурологии и политологии
Московского гуманитарного университета (Москва)
e-mail: <mailto:av6648-1@akado.ru>

UDC 008(091)

Flier A.

Cultural History as a Knowledge Domain

Abstract. The author analyses the principle criteria that distinguish cultural history as a separate and self consistent field of research within the culturological domain and considers its subject, problematics, particular features and patterns, which produce its specificity. The cultural history is compared to the history of culture as a part of historical research in the meantime demonstrating essentials of the former which distinguish cultural history among other approaches to cultural research.

Key words: culture, history, history of culture, cultural history, artistic culture, masterpieces, everyday life, social functioning, social and cultural development tendencies

Flier Andrei Yakovlevich,

Doctor in Philosophy, Professor,
Professor of the Department for Philosophy, Culturology and
Politology,
Moscow University for the Humanities (Moscow)
e-mail: andrey.flier@yandex.ru

